

Завтра Даниилу Гранину - 70 лет

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

В НАШЕЙ стране художник всегда становился совестью народа. Его зрение жестче и беспощаднее, он вбирает в себя боль мира, этой болью обжигает души. Но и лечит, и целит их. А сегодня наши души так страстно жаждут исцеления, «выпрямления». Сегодня общество, в котором...

рит Гранин — время забирает одного, появляются другие, но никто не изменил. И ощущение обстановки боя, постоянное сражения — с проработками, со своими собственными страхами — это отсюда, из литературной молодости. «Все мы были дети 1956 года» — перефразируем известное декабристское речение. С надеждами, взлетами, разочарованиями этого времени была связана и литературная молодость Гранина. Он был с теми, кто нес знамя XX съезда, передавая его друг другу, сохраняя в последующие времена отступлений. А тогда люди возвращались из лагерей, в списках появились произведения, что сегодня мы читаем в периодике. Пусть на короткое время (и этого было достаточно!) в литературу возвращались запрещенные имена. Как высоко сразу взлетела планка! Как сразу стал уровень литературы! Соответство-

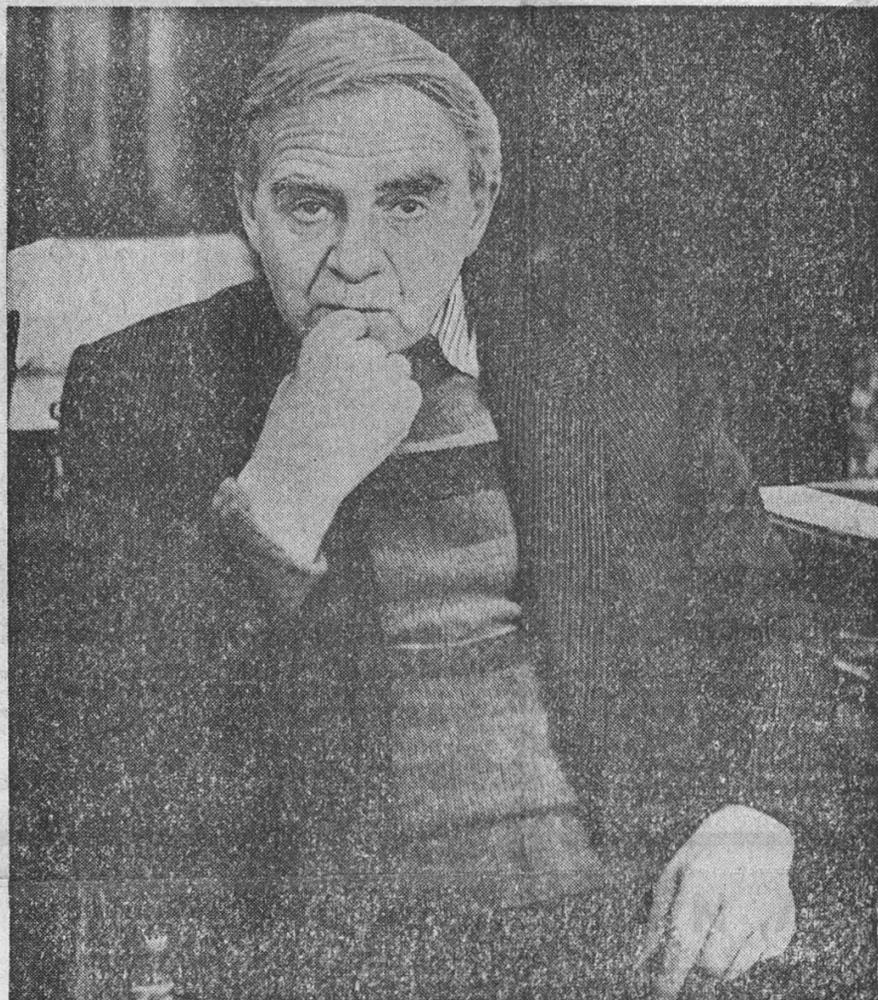
вать этому уровню было трудно, но это был единственный путь, чтобы сохранить достоинство и самоуважение. Когда разговариваешь с Даниилом Александровичем о тех и последующих временах, часто слышишь слово «борьба». Именно она помогла устоять, когда все подталкивало на пути легкие, послушные и губительные для таланта. «Но мы были битые-перебитые, оттого и устойчивость была хорошая. Доставалось чрезвычайно, вспоминаешь об этом даже с удовольствием, как о боевых заросших шрамах». Слыша Гранина, думаешь о грустных и ироничных словах художника Астахова из романа «Картина», который создавался как раз в «застойные», как теперь говорят, годы: «Никакой я не борец и не желаю быть борцом. Я на холсте борюсь, а заставляю еще и вокруг него... Борьба стала обязательной частью та-

ланта. Выигрывает ли от этого талант — вот в чем вопрос». «Повесть «Наш комбат» появилась в 1968 году. Это было одно из первых произведений, в котором четко и предельно ясно был показан механизм уничтожения людей. И не только противником, а бездумными амбициозными приказами. Это сегодня мы понимаем, какое преступление положить на убой сотни людей, чтобы взять высоту ко дню рождения Сталина. Тогда же опубликовать повесть отважился лишь журнал «Север». Жизнь — родине. Честь — никому», — говорит один из героев Гранина. Нет, не Зубр с его обостренным чувством собственного достоинства, сознанием личной ответственности перед отечеством, своим родом, деяниями предков. До «Зубра» еще далеко, лет десять —пятнадцать. Да и персонаж киноповести «Вы-

бор цели», произнесший эту фразу, эпизодический, а вот запомнится, потому что точно формулирует смысл спора, смысл сомнений главных героев повести. И это тоже было новым — противопоставление личной чести и государственных интересов. Не все средства хороши для достижения высокой цели, а лишь те, что согласуются с достоинством и честью человека. Сегодня мы заговорили об этом в полный голос — тогда это звучало почти как ересь. Честь, достоинство, жизнь единственного неповторимого человека и грозная мощь государственной машины... В эссе «Два лика», написанном в то же время, что и «Наш комбат», Гранин по-своему прочитывает «Медного всадника», давая блестящий философский, литературоведческий, социальный анализ. «...Есть гениально найденная Пушкиным реальность жизни. Что же, бунт кончился смиреннее, Евгений побежден, несмотря на безумие, он по-прежнему тварь дрожащая? Может и так. Но однажды он не был тварью. Пусть однажды, но он был человеком, выше и больше всадника. Человеком, который заставил сойти со скалы эту Медную статую... Конечно, отповедь последовала незамедлительно. 65 купюр предложила сделать цензура «Блокадной книге». Книга — этот коллективный голос страданий, мужества, победы духа и мысли над распадом и смертью — была издана в Москве. В Ленинграде 70-х напечатать ее было невозможно.

После выхода романа «Картина» в Пензе открылся музей одной картины. Но это конкретный материальный результат. Неизмеримо более важным представляется духовное воздействие книги. И не только воздействие — предвосхищение той или иной поворотной ситуации. Предвосхищение, а может быть, — моделирование? Впрочем, это среди хороших писателей принято, — как говорит герой одной из самых лирических повестей Гранина «Обратный билет». В романе писатель предвосхищает многие социальные перемены. Представил героя, опередившего свое время и вынужденного подать в отставку. Пожалуй, не было статьи, в которой Гранин не упрекали бы за концовку романа, за само предположение, что можно самому оставить номенклатурное место. «Но он вернется, — по убеждению одного из героев. — Вернется, потому что обстоятельства именно такого человека потребуют».

Фронтвик, инженер по образованию, Гранин вошел в литературу в конце 40-х. Уже роман «Искатели» (1954 г.) взбудоражил умы, представил героя, умеющего утверждать свою правду вопреки, а не благодаря обстоятельствам. Такой герой, пусть ошибающийся, но идущий своим путем, непохожий на других, «отдельный», согласовывающий свои поступки только с собственной совестью и достоинством, навсегда останется любимым для писателя. Гранин сразу же оказался на переднем крае литературы. Его старшими товарищами были М. Слонимский, Ю. Герман, О. Бергольц, В. Панова, В. Кетлинская, К. Симонов, А. Твардовский, В. Орлов. Его друзьями, единомышленниками стали В. Быков, Ю. Трифонов, М. Дудин, Б. Окуджава, В. Тендряков, М. Луконин, С. Орлов, Г. Бакланов, С. Залыгин... Это не простое перечисление имен. Это имена тех, кто бескомпромиссно вел борьбу за правду в литературе против штампов помпезности, лжи, украшательства, лакейства, кто подогрел нашу нынешнюю восприимчивость к свободной мысли, свободному слову. Это было братство людей с одинаковой группой крови, предъявлявшее свои требования. Войдя в него, надо было следовать представлениям чести и порядочности, идти в борьбе за эти принципы до конца. «С тех пор этот круг людей не отпускает, — гово-

Вот что стоит за словами писателя о борьбе, о постоянном движении по переднему краю, необходимости писать, постоянно ощущая границы незлобного, чувствуя стену, которая выглядит каменной и которую все же можно пробить. СТОИТ побывать на читательских конференциях, чтобы убедиться, как велика вера в то, что писатель все разрешит, разберет, скажет, как жить дальше и в чем смысл жизни. Удивительным бывает последствие книги. Гранин первым открыл в нашей литературе тему ученых, создал образ искателя истины, романтического рыцаря науки, преданного ей до последнего дыхания. Писатель сумел передать свою любовь к бескорыстным подвижникам идеи и читателям. Многие признавались, что из-за выбора профессии решающее влияние оказали романы «Иду на грозу», «Искатели», «Эта странная жизнь», «Однофамилец», «Кто-то должен»...

Это было написано лет десять тому назад, но обстоятельства довольно в скором времени потребовали именно таких людей, как непопулярный в свое время мэр города Лыкова Сергей Лосев. Их остро сейчас не хватает, таких людей, которых, прибегая к старой лексике, мы можем назвать положительными героями, а говоря современным языком, — людей порядочных, честных, совестливых, энергичных. Общественная работа Гранина — особая глава его жизни. Делегат XIX партийной конференции. Совсем недавно участвовал в Областной партийной конференции, где был избран членом Ленинградского обкома КПСС. На собрании Политехнического института был выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР.

Сергей ЗАЛЫГИН: МНОЖЕСТВО признаков, особенностей и качеств определяют творчество. А значит и творческое лицо писателя. Кто он, этот писатель? Лирик или трагик? Оптимист или пессимист? Модернист или традиционист? Реалист или фантаст? И т. д. Однако же когда я думаю о Данииле Гранине, а я думаю о нем часто, когда я его читаю, возникает у меня как бы еще один признак, по которому можно судить о нем. Этим признаком, на мой взгляд, является отношение Даниила Александровича к материалу своего творчества. Не знаю, как и почему, но ясно чувствуется, что здесь имеет место не тот случай, когда писатель напряженно изыскивает этот материал, а другой, когда материал преследует писателя, окружает его со всех сторон. Но материал может удивлять, может почти безотчетно воодушевлять, может и так сильно сопротивляться, что у писателя опускаются руки, и он невольно думает: «Черт меня дернул!» Отношение Гранина к материалу — это всегда бесконечный интерес к нему. Интерес почти столько же исследовательский, сколько художественный. Вот преодоление одна страница жизни его героя. Ну, кажется, и минавало самое трудное. Да не тут-то было. Следующая — еще труднее. Она ведь должна подтвердить предыдущую и обеспечить мысль писателя далеко-далеко вперед.

Хочу еще сказать и собеседник Даниил Гранин такой же, и в разговоре он никогда не мелочится, редко говорит о злобе дня сегодняшнего, разве только в прямой связи с днем завтрашним, каким-то он будет? Предвидеть всегда трудно. Занятие это, если говорить серьезно, неблагодарное, утомительное, потому как раз, что оно малопродуктивно. Но многие без него жить не могут. Гранин не может всегда и неизменно. Многие можно было бы еще и еще говорить о творчестве Гранина, да не все говорится и вот так сразу прилетит в голову. Тем более что, говоря о Гранине, надо иметь голову да голову. Ну и поздравлять своего дорогого коллегу просто так, дежурно, в общепринятом порядке тоже не хотелось бы — не та фигура. Поэтому я написал то, что написал: о той особенности его творчества, которую, как мне кажется, все еще обходит наше литературоведение.

основном — это слова благодарности, признательности, но есть и протестующие, это тоже закономерно, свидетельствует, что задела главная, болевая точка. В рассказе есть эпизод о концерте для награжденных фронтовиков зимой 1942 года в Смольном. Прочитайте его. Так написать может лишь человек, прошедший фронт. Так увидит и рассказать способен лишь изведанный самими тяжелыми испытаниями. Гранин воевал с первых дней. Война его была тяжелой — в окопах под Ленинградом, потом в танковых сражениях. С такой войны приходили не многие. К счастью, он остался жить. И есть в нашей литературе.

Вызывает величайшее уважение гражданская позиция Гранина. Он первый заговорил о многих наиболее важных проблемах общества. В частности о милосердии как неотъемлемой части гуманизма. Милосердие, которое всем нам так необходимо сегодня. Он поднял голос в защиту Ленинграда, все более становящегося просто областным центром. Не устаю повторять о той экологической опасности, что приносит городу строительство дамбы. Он всегда на переднем крае самых острых проблем. В любые времена. Когда нашему театру так трудно было пробиваться к правде, когда после некоторых наших премьер раздавались начальные окрики, Гранин выступил в защиту позиций БДТ. Написал статью в «Комсомольской правде», очень поддерживавшую нас. Мы благодарны писателю за малое мужество пойти наперекор официальному мнению. Когда готовлю спектакль, ориентируюсь на зрителя самого высокого интеллектуального и духовного уровня — это мой режиссерский принцип. Для меня такой зритель олицетворен в Данииле Александровиче. Люблю его творчество, горжусь многолетними добрыми отношениями.

работают с Граниным, как мгновенно открылись двери и сердца. Поэтому сегодня вспоминаю не только юбиляра, дорогого мне человека и писателя, но и с ностальгической грустью его Ленинград, ленинградцев. Во время работы над «Блокадной книгой» я увидел неизменно отзывчивость Гранина к чужой боли. Это ведь ему принадлежит идея общества «Милосердия», движения, которое сейчас распространялось в масштабах всей страны. И доверие к этому Обществу простекает в том числе и из доверия к Гранину. А что касается его прозы, то она еще раз подтверждает, что усиление таланта вместе с возрастом в русской литературе традиционно и закономерно.

мнчивый груз осмысления непредсказуемости человеческой жизни, ее трагедий и ошеломляющих возможностей. И сейчас, когда в выражении его мысли словами появилась одному ему присущая пластика, когда его раздумья стали сочувствием и утешением для людей Земли, он стал собеседником многих и многих людей, люди стали искать встреч с его книгами на перекрестках личных и глобальных тревог. Он много сделал, истинный талантливый писатель и человек Даниил Гранин. За его плечами два подвига. Подвиг великой войны, в которой в 1942 году он стал коммунистом, подвиг стойкости, за который он был отмечен высшим знаком — орденом Боевого Красного Знамени. И второй его подвиг, подвиг художника, сказавшего правду своего времени и продолжавшего бой за справедливость. За этот второй подвиг его наградили орденом Ленина и Государственной премией Родины. И все, что он делал и делает, прежде всего это предназначается ленинградцам — его согражданам, для которых он не жалеет своей жизни и своего таланта редкостного и человеческого, таланта, который сделал его, писателя Даниила Гранина, знаком великой культуры Ленинграда, ее достойным наследником и продолжателем. Я мысленно перечитываю книги Даниила Гранина, и перед моим сердцем, перед моими глазами, перед всеми моими чувствами возникает многомерный мир познания человеческих страстей. Эти книги написаны гражданином и мастером. Они современны в самом широком смысле этого слова. Мы живем с Даниилом Граниным в одном доме. Законы военной юности для нас обиходны. В своих отношениях с миром мы ищем родства, а не различия. Иногда мы сговариваемся и вместе идем на Неву. Она от нашего дома совсем недалеко. И мы идем на набережную, к Кировскому мосту, обходим вдоль крепостной стены Петропавловскую крепость, а когда на поворотах соприкасаемся плечами, я чувствую, что его плечо надежно, и от этого мне не то чтобы лучше в этом мире, а как-то увереннее.

Григорий БАКЛАНОВ: В 1956 ГОДУ, когда появился рассказ Гранина «Собственное мнение», когда печатались произведения В. Тендрякова, В. Дудинцева, ставшие литературным и общественным событием, Павел Нилин, у которого как раз в это время вышла повесть «Жестокость», помню, сказал мне: «Кто у нас писатель? Кого можно считать писателем? Писатель тот, кто во время исторических потрясений, когда происходят события, решающие судьбу народа и страны, высказывает главное. Кого читают, о ком спорят». Гранина тогда и читали и спорили, как читают и спорят сегодня. Впрочем, каждая его книга становится событием. У него были и остаются яростные последователи и поклонники — единомышленники. У него были и есть враги. Это нормально. Так и должно быть. Во втором номере журнала «Знамя» мы опубликовали рассказ «Запретная глава». Какая это психологически глубокая вещь! И сколько она вызвала откликов! Люди пишут о потрясениях, которые они испытали от рассказа. В

основном — это слова благодарности, признательности, но есть и протестующие, это тоже закономерно, свидетельствует, что задела главная, болевая точка. В рассказе есть эпизод о концерте для награжденных фронтовиков зимой 1942 года в Смольном. Прочитайте его. Так написать может лишь человек, прошедший фронт. Так увидит и рассказать способен лишь изведанный самими тяжелыми испытаниями. Гранин воевал с первых дней. Война его была тяжелой — в окопах под Ленинградом, потом в танковых сражениях. С такой войны приходили не многие. К счастью, он остался жить. И есть в нашей литературе.

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ДАНИИЛ Александрович Гранин — писатель-общественник, писатель больших беспокойств, писатель, посвятивший свое творчество целиком нашему времени, заботам сегодняшнего дня. Вот почему его творчество будет жить долго, ибо наши дела — дела сегодняшнего дня — являются делами многих веков. Мы наследники забот Ломоносова, Пушкина, Достоевского, Толстого, Горького — будущие писатели будут наследниками наших дней, наших требований к себе и к другим. Проза Гранина не ограничена только художественными жанрами. Такой она была и у Пушкина, Достоевского, Тургенева, Горького. По существу настоящая проза всегда публицистична, всегда связана с газетами, журналами, публичными выступлениями, а в последнее время и с телевидением, что очень хорошо, что всячески следует приветствовать. Проза Гранина несет в себе явные следы устной речи, авторской манеры говорить, ибо совесть не только пишет, она говорит, выступает, обращается к народу во всех формах, в каких только возможно ей действовать.

Алесь АДАМОВИЧ: КОГДА мы с Даниилом Александровичем бродили по Ленинграду и записывали воспоминания блокадников, меня парализовало отношение ленинградцев к своим деятелям культуры. Мне кажется, что только, пожалуй, в Средней Азии еще сохранился культ уважения поэтов, писателей, художников, равноценный культу уважения старших. Мы настолько все устали от неуважения, что эта черта сегодня потрясает. Когда я один ходил по домам, достаточно было сказать, что я

Михаил ДУДИН: ДАНИИЛ Гранин — писатель с мировым именем, но по воспитанию своей души, по приложению своего таланта к жизни, по сняжкам и шишкам опыта самой жизни — он ленинградец. Здесь, в Ленинграде, на Моховой улице в бывшем Тенишевском училище он окончил среднюю школу. Потом после окончания Политехнического института стал работать в конструкторском бюро знаменитого Кировского завода и вместе с товарищами по заводу с первых же дней войны ушел в Народное ополчение. Первая дивизия, в которой он начал службу, воевала под Батецкой и Лугой, под Ордежем и Пушкином. Войну он закончил командиром танковой роты в Восточной Пруссии. В самом конце войны его демобилизовали и послали как инженера — электрика на восстановление разрушенного энергетического хозяйства. На его долю выпал Ленинград, кабельная сеть Ленэнерго. Там-то он и вспомнил своих друзей по Народному ополчению, писателя Дмитрия Острова и Владимира Лифшица, и сам решил попробовать доверить карандашу и бумаге пережитое, виденное. И это «попробование» оказалось затяжным. Оно стало основой жизни. Судьбой. Единственной заботой, мучением и восторгом. Ему хватило настойчивости и терпения, риска и ответственности перед собой и миром — завалить на плечи своего таланта этот коварно за-

Е. ХОЛШЕВНИКОВА Фото А. Дроздова